

К.Я.Аббасова

Бакинский государственный университет, Азербайджан

Мифологическое сознание как важный элемент культуры

В статье показано, что мифологическое сознание в современной культуре содержится в мировоззренческих установках, т.е. взглядах на себя и мир, проявляясь в виде верований и обрядов, имеющих как древнее, так и более современное происхождение. Отмечено, что разница лишь в том, что более древние элементы мифологического сознания живут подсознательно, имеют более «крепкую почву» под собой, однако для их культивирования нужна большая работа с носителями национального языка, с наследием в сфере искусства и литературы, в том числе и через систему образования. Автором доказано, что немалую роль в развитии элементов мифологического сознания играет идеология, которую формируют при помощи самых новейших информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: мифология, сознание, культура, этническая культура, поэзия, проблемы бытия, проза, устное народное творчество, этническая идентификация, менталитет.

Литература и искусство Азербайджана — самая благодатная почва для культивирования самобытности этнической культуры. Азербайджанская литература на протяжении многих веков была представлена лишь поэзией. Это означает, что все время шел поиск художественного воплощения самых насущных проблем бытия, который получил завершение в деятельности корифеев истории мировой литературы — Низами и Физули. Лишь начиная с XVIII в. азербайджанские писатели начали обращаться к прозе. Устное народное творчество было представлено такими прозаическими жанрами, как сказки и мифы, но по своей сжатости, афористичности и глубокому смыслу они могли поспорить со многими жанрами поэтического творчества. Героические образы в дастанах «Кёроглу», «Китаби-деде-Коркут» и др. являются архетипичными для азербайджанского народа. Так, Гыр-ат и Дур-ат представляются как противостояние огня и воды, золота и серебра, а сам Кёроглу — сын огня и т.д. Эти представления составляют одну из основ этнической идентификации и менталитета азербайджанского народа.

Необходимо учесть, что, несмотря на значительный вклад азербайджанских мастеров слова в мировую литературу, общий уровень образованности и грамотности на протяжении многих веков был низким, и потому тяга к художественно-образному самовыражению проявлялась в развитии многих жанров устного народного творчества, таких как складывание баяты, дастанов, афоризмов (вплоть до проклятий и славословий), сказок, мифов, пословиц, поговорок, загадок, обрядовых песен и стихов. Кроме того, широкое распространение получила ашугская поэзия, где певец, импровизируя, сочиняет стихи и тут же исполняет их с аккомпанементом саза. В некоторых регионах Азербайджана распространена мейхана — импровизация рифмованных строк на заданную тему в ритмичном исполнении (под национальный инструмент нагару).

Однако с распространением письменности и ростом публикаций увеличилась возможность распространения и фиксации определенных произведений жанров литературы. Изменилась среда, изменились формы общения, а следовательно, и формы самовыражения, «интеракции», которые должны были отвечать изменившимся потребностям. Поголовная грамотность, возможность получения многообразной информации и ее использования для удовлетворения как эстетических, так и нравственных потребностей начали блокировать воспроизводство указанных форм народного творчества. Литературная деятельность стала уделом профессионалов; через систему образования на уроках азербайджанского языка и литературы и других уроках культивируется потребность в изучении и распространении образцов народного творчества, хотя эта работа оставляет желать лучшего.

Таким образом, представления о мире и о себе, получаемые ранее через этот источник информации, на сегодняшний день достаточно ограниченные. Мифологическое сознание, сформированное на протяжении веков, и сегодня является важной частью духовной культуры, национальной идентичности. Последняя есть «составная часть социальной идентичности, психологическая категория, которая относится к осознанию индивидом своей принадлежности к определенной национальной группе или общности; в свою очередь, это является результатом самоидентификации, когнитивно-

эмоционального процесса осознания себя представителем той или иной национальной общности или группы» [1; 15].

Человек достаточно самонадеян для того, чтобы считать, что он сам идет по своей жизненной дороге, и достаточно высокомерен, чтобы отказаться от своего сходства со многими предыдущими поколениями людей, выпячивая свою «самость».

Однако в глубине души нам всегда хочется верить, что мы живем в каком-то «общем» доме, принципами жизни которого мы можем все-таки дорожить. Пусть это называют «совковостью», «стадным инстинктом», «заразой коллективной глупости»; почему же многие поколения неопределенных психологов, социологов ищут архетипы в нашем сознании и находят их! В этом смысле мы должны быть благодарны также и нашему соотечественнику — безвременно ушедшему из жизни ученому Гасану Кулиеву, автору двух замечательных книг, явившихся плодом долгих поисков ментальных особенностей азербайджанского этноса: «Архетипы рода Горгуда» (1999) и «Архетипичные азе́ри: лики менталитета» (2002). В заключительной части последней книги Г.Кулиев пишет: «Путь к ментальности пролегает через декодирование ее архетипичной сути. Некоторые архетипы пугают нас шокирующей «неприглядностью», но было бы неразумно и дальше оставаться заложниками неведомых архетипов..., нам следует понять и обуздать их магию. Надо без магии страха взглянуть в зеркало ментальности и понять самого себя» [2; 241].

Таким образом, «дремучее» прошлое сидит в нас, «вылезая» в виде различных идей, акций, домыслов и прочих деяний. До сих пор этот груз, который мы тянем в себе испокон веков, разграничивает в нас «восточное» и «западное», тонкости этих различий хорошо понимали многие антропологи и культурологи, такие знаменитые исследователи человеческого общества, как Ибн Халдун, Макс Вебер, Алексис де Токвиль и многие другие.

Благодатным материалом для изучения наших нравов и привычек являются устные предания, эпосы, сказания и прочие формы фольклора. Обратимся к древнетюркскому эпосу «Китаби Деде Горгуд». Многие из его разделов очень древние, как подчеркивают исследователи (в частности, В.Жирмунский), восходят к V–VI вв. Письменная фиксация восходит к XI–XII вв. Содержание, как и во всяком эпосе, отражает в себе широкую картину социальной жизни, нравов, верований, стиля жизни. В эпосе речь идет об одном из 24 тюркских племен — племени Баят, где жил и творил старейшина, «отец» по имени Горгуд. Он был наделен особым даром пророчества. К примеру, он предвидел будущее своего народа в слиянии с племенем Гайы. Считается, что именно потомки этого племени есть основа рода Османов. Горгуд пользовался исключительным авторитетом у своего народа. Без консультации с ним не начинали ни одного большого дела или предприятия. В свою очередь Горгуд твердо верил в свою судьбу, в божественное провидение, в понятие «гисмет», т.е. судьбу, в то, что написано на роду. Метким языком баллад, исполняемых им под звуки гопуза (древнего струнного музыкального инструмента), он внушал людям разные пророческие истины [3; 129–131]:

Нельзя съест больше того, что написано у тебя на роду.

Пусть у молодца будет скота величиной с Гарадаг, но сверх определенного судьбой ему не достанется.

Пусть реки сольются и разольются вширь — этим не наполнишь море.

Бог не любит гордецов и тех, кем правят чувства и эмоции.

Воспитанием чужого сына ты не обретишь своего, подрастет и бросит, и не пожалеет об этом.

Из золы не вырастет холм, зять не станет сыном.

Хоть уздечку надень на морду черного осла, — он не станет мулом.

Одень богато ты прислугу — она не станет дамой.

Хоть снег и сыплет без конца — до весны ему не дожить.

Цветастая лужайка не доживет до осени.

Если нет у матери того, что можно перенять, то дочь не воспитаешь.

Умный сын как огонь, поддерживающий тепло в очаге.

Да спасет нас господь от поклепа неумного человека.

Для меткого удара джигита хороши и посохи.

Пусть сгинут те дома большие, где не бывает гостей.

Пусть лучше не родится нерадивый сын.

Пусть не будет в мире лжи, пусть праведники живут целый век.

Помимо того, что Горгуд имел несомненный авторитет среди своих соплеменников как старейшина, он также умел использовать силу слова, музыкального сопровождения, являлся сказителем устных преданий, пословиц, крылатых выражений, он говорил речи, высказывал пророчества. Отметим также более поздние наслоения в произносимых им обращениях, связанные с исламской верой. К примеру, в тексте сказания есть восхваления в адрес пророка, правоверных имамов, святых мест — Мекки, Кербалы, месяца хадж. Возносятся хвалы в адрес молитв, произносимых с минарета, азана, в адрес преклонивших колена молящихся и т.д.

Прекрасен отец, доживший до седин, прекрасна мать, кормящая младенца, прекрасен молодой верблужий самец в пути, прекрасен любящий брат, шатер невесты, сооруженный даже возле дворца, хвала творцу, создавшему этот прекрасный мир, пусть поможет он всем [3; 129–131]!

Отметим, что его речам характерны имеющие продолжение и в сегодняшнем языковом поведении формы высказывания, связанные с эмоциональным миром говорящего: это выражения поощрительного, побудительного характера и высказывания, имеющие смысл наложения табу, или проклятия в адрес нежелаемого. Словом, если мы чего-либо сильно не хотим или, наоборот, желаем, это отражается в нашем языке. Известно, что язык восхвалений или, наоборот, проклинаний, и даже проклятий, в азербайджанском языке необычайно богат. Об этом можно судить по собраниям народных поговорок и выражений языковеда проф. В.Велиева, изданных еще в 70-х годах прошлого века. В быту, на уровне разговорной речи, можно встретить необычайно разнообразные выражения по каждому поводу, хотя их употребимость, или вариативность, сокращается вместе с неотвратимым наступлением века глобализации и унификации социальной жизни на Земле. Вот выражение в адрес ударившего: «да отсохнет твоя рука», в адрес заболевшего: «да перейдут ко мне твои болезни», в адрес любимого человека, в особенности своего ребенка: «да стану я жертвой во имя тебя», обычно на это отвечают: «пусть жертвой станет барашек!» и т.д.

Жизнь современного жителя Азербайджана, как и жителей других регионов и стран, проходит на высокой скорости социальных процессов и очень зарегламентирована. Цветистость, разнообразие, непредсказуемость, в какой-то степени присущие нашим предкам, уходят в прошлое. Одинаковость, в том числе в языковом поведении, начинает одерживать верх, в чем нам сильно «помогают» урбанизация и система образования, которая наиболее подвержена изменениям и унификации.

В древние времена сказителей типа деде Горгуда жизнь, протекавшая в рамках общины, на фоне кочевий, должна была быть размеренной, со многими сословными ограничениями, богатой обрядностью, развитой системой патриархальных семейных отношений. Отсюда и масса сказаний о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, о положении женщины в семье — актуальная проблема и сегодня для всего общества, будь то рядовой гражданин или представитель верховного эшелона власти.

У деде Горгуда немало высказываний о женщинах: «Пусть славится та, что опора в семейной жизни, пусть растут ее дети, если она привлекает гостей, провожает их чин-чином! Пусть придет она к нашему очагу!

Пусть та, что позорит свой род, наедается досыта кислым молоком с девятью лепешками, а потом говорит, что не ест досыта, а лицо она не укрывает достойным покрывалом и не носит достойных себе башмаков, говорит, чтобы этот дом превратился в развалины и мечтает о втором замужестве, пусть не станет подобная женщина у нашего очага, пусть не вырастут у нее дети» и т.п.

«Да сохранит бог нас от сварливых и ленивых женщин», — заключает деде Горгуд. Это вневременные проблемы, и сегодня выплескивающиеся на экраны телевидения в виде реалити-шоу, порой заставляющие плакать и смеяться не только зрителей и участников, но даже ведущих, настолько острой в ней бывает жизненная правда и трагедия простой человеческой жизни, где ненависть, жадность, равнодушие, нетерпимость и другие человеческие пороки соседствуют рядом [3;131].

Роскошные выражения, основанные на гиперболизации качеств, состояний, ощущений, помогают воображению, моделированию будущего, прогнозированию его, ощущению своей самооценки и полезности. Это фактически приведение нашего сознания в некое сказочное состояние мечты и фантазий, уход от суровых реалий жизни к грезам, что очень полезно с точки зрения оздоровления души, очищения ее от грубых наслоений черствости, равнодушия, эгоизма. Вот начало боя (части, раздела) «О Бугадже, сыне Дирсехана»: «Встал однажды сын Гам-Гхана Баяндурхан. Соорудил он на Земле шатер из дамасского полотна. Высокий шатер уперся в небо... в тысяче мест были расстелены шелковые ковры...». Такое сказочное начало настраивает слушателей на тему разговора, привлекает их внимание. Это начало древнегреческие риторы, в том числе Аристотель, оценили бы очень высоко:

выполнены все требования культуры речи, проведен процесс интимизации, т.е. внимание слушателей на стороне говорящего, в начале речи мы видим как бы рекламу темы разговора, ее презентацию [3; 133–135].

Баяндурхан принимал в год один раз ханов и других знатных людей округа, главная изюминка здесь — черные шатры и мясо черных баранов для тех, у кого нет детей. Это было серьезным недостатком в те времена, да и сегодня — несчастье для родителей, так как бесплодие осуждается общественным мнением и по сегодняшний день по многим причинам.

Родившийся после многих молитв и пожертвований (кстати, и сегодня в ходу у бесплодных родителей обеты и посещения святых мест, раздача пожертвований и милостыни и т.д.) сын Дирсехана в 15 лет побеждает быка, повалив его на землю, упершись кулаком в его лоб, и получает прозвище Бугадж, т.е. «Бычина» [3; 136].

И здесь плетут интриги и козни, в том числе говорят наветы на Бугаджа, но из всех подобных ситуаций он выходит победителем. Все 12 боев, т.е. частей сказания, изобилуют подобными сюжетами, в целом все они носят напутственный, назидательный характер и имеют продолжение и в нашей жизни: как бы ни было нам комфортно в условиях хотя бы относительного соблюдения прав и свобод, как бы нам ни было выгодно, без нажитого капитала человеческой мудрости, в том числе и заработанного через пережитые трудности, в борьбе не только с самим собой, но и со всем миром (разумеется, человеческим) мы прожить не сможем.

Выше мы иллюстрировали лишь небольшой пласт мифологического сознания, живущий в нашем подсознании и проявляющийся в культуре быта, нравов, духовном развитии. Есть еще и другие основы для жизни мифологем в культуре, в том числе в различных ее проявлениях, — это религиозные верования, проявляющиеся как в вере в сакральное (через конкретные религиозные системы, к примеру, ислам), так и в различных верованиях и обрядах, порой восходящих к глубокой древности. Данная проблема, правда, в более обобщенном виде, являлась предметом добросовестного рассмотрения в книге «Проблема человека в религиозно-философских доктринах зороастризма и ислама», написанной тонким знатоком древних религиозно-теологических источников профессором Казымом Азимовым. Здесь, в частности, выделяются такие особенности мифологического сознания, пронесенные через века и живущие, пусть в виде «реликтовых остатков»:

Душа является направляющей силой человека, и она должна направлять дарованные человеку способности на служение добру.

Есть покровители души — фравашии, которые являются покровителями, добрыми гениями людей.

Есть божественное начало в человеке (добрый дух, наделенный мудростью) и демоническое (животное, управляющее похотью и ложным умом).

Душа человека обладает свободой и несет ответственность перед творцом, она состоит из разума и воли.

Индивидуальная самореализация есть (по зороастризму) органическая часть самореализации космоса, самого бога.

Необходимо гармоничное сочетание себялюбия и альтруизма. Разумная любовь к себе ведет к пониманию других людей и любви к ним.

Человеческий род должен последовательно объединиться в борьбе с силами зла, человек — поборник справедливости в этом мире.

В человеке всегда борются противоположные начала — добро и зло [4; 47–67].

Как известно, в исламской вере, основанной на священной книге Коран, главная идея для существования разума, или сознания, — это выполнение человеком своего долга, поскольку он наделен разумом. Здесь важно также соотношение знания и веры.

Каким образом перечисленные идеи оживают в нашем сознании в виде различных знаков, проявляющихся затем в осмысленных действиях (ритуалах, поступках, символических представлениях, ценностных ориентациях)? Для этого надо обратиться к содержанию современной культуры, в частности, таких ее разделов, как образ жизни, стиль жизни, поведенческие стереотипы, мировоззрение.

В практике воспитания и обучения людям издревле прививаются нравственные категории добра и альтруизма, конкретно они проявляются, пусть и по-разному в разных цивилизациях, в виде норм поведения, нарушение которых осуждается обществом. Если сегодня и не поклоняются конкретно «фравашии», то живет вера в силу огня, солнца, луны, ветра, воды, земли, других сил природы. Эта вера проявляется в различных обрядах и ритуалах, связанных с сезонными работами на поле, с обря-

довыми праздниками в быту, другими ритуалами, связанными с рождением и смертью человека, его жизненными этапами.

Сказанное еще раз подтверждает возросшую роль социальной среды, т.е. культурных установок на формирование самосознания, в том числе ее составного элемента — социальной идентичности. Социальная идентичность играет роль сита при восприятии новых идей и ценностей, в том числе и связанных с религией и другими верованиями. Изменение социальной идентичности происходит очень медленно и связано, прежде всего, с развитием социальной структуры общества. Для определения особенностей любой этнической культуры следует обязательно выявить характерные черты социальной идентичности ее представителей.

Таким образом, структурным элементом самосознания в культуре является самоидентификация, самым глубинным основанием которой служат архетипы. Сложная работа по их выявлению в сознании современного человека показала, что архетипы, связанные с пространственно-временными представлениями, замыкаются, прежде всего, на ландшафте, климате, особенностях фауны и флоры, и лишь в определенной мере — на некоторых характеристиках социальной среды, в особенности связанной с функционированием семьи и быта (подробнее см.: [5]). Архетипы живут в подсознании нескольких поколений, но при условии стабильности среды, их породившей. Сейчас эта стабильность нарушена, миграция (как внутренняя, так и внешняя), выравнивание уровня жизни, формирование нового быта и новых семейных отношений, интеграционные процессы делают невозможным сохранение и культивирование архетипов в прежнем виде.

Вместе с тем подсознание, как фундамент сознательной жизни человека, «невидимая часть айсберга» сознания, сохраняет память об архетипах, что проявляется в стремлении людей и сегодня заключать особо ценные для себя смыслы в определенные символы — амулеты, ритуальные действия, ритуальные слова.

Следы мифологически-художественного мировоззрения прослеживаются в фольклоре и классической литературе. Азербайджанская мифология не носит такого системного характера, как древнегреческая или индийская, однако тоже представлена богато, причем в фольклоре. Идеи в мифологии больше связаны с космологией или временами года. Порядок, пришедший в мир, облечен в такие формы социального бытия, как семья, быт, нормы поведения.

Как уже отмечалось, следы мифологических представлений живут в различных формах проявления отношения к событиям: к примеру, в порицании, восхвалении, приведении (к месту, в качестве примера) назидательных новелл; в различных обрядовых действиях: к примеру, запрету показывать пальцем или рукой на луну, заливать водой огонь в очаге (следует засыпать золой, а тушить водой лишь большие головешки, причем в стороне) и т.д.

С помощью слова, действия, игры стремились оказывать магическое воздействие на природные силы. В целом в представлениях о природе сильно мифологическое начало: свою «прошлую» связь с ней люди воссоздают через ряд ритуалов, зачастую магических, поверий, игр, пословиц, поговорок, песен, сказок и пр. Например, до сих пор сохранились в древнем празднике весеннего сева — Новрузе — остатки анимистических, зороастрийских верований. Выполняя эти обряды, зачастую давно утратившие свой первоначальный смысл, человек, этнос в действительности воспроизводит сам себя, свое собственное становление. Этот же процесс происходит в таких древних играх, как «Коса-коса», «Чобан-яллы», «Гурд вя гоюн», «Ойма», «Саячы» и в других, идущих от древних ритуальных танцев охотников и земледельцев, вошедших затем в «репертуар» народных театрализованных представлений; кстати, в последнее время почти не имеющих распространения среди жителей республики. Среди обрядов празднования весны древнюю социальную память представляют собой ритуалы «Году-Году», «Сэмэни», «Дан атма» и «Гапы-пусма» (подслушивание за дверью — для определения будущего). С приходом весны связаны также такие игры, как «Сюмюк атма», «Дар-дар», «Атдандырма», «Ялаг газма», «Чилинг агадж» и др. [6; 12–27].

До сих пор сохранился обычай надевать новую одежду всем членам семьи в новый год — Новруз, берущий начало еще в V в., когда, по утверждению Бируни, цари Хорасана установили его. И сегодня на празднике Новруз ритуальные блюда, ритуальные обряды свидетельствуют о желании магически воздействовать на урожай, на сельскохозяйственные работы.

Таким образом, можно смело утверждать, что в этнической культуре нашего народа, как и в культуре других тюркоязычных народов, имеются как остатки древних мифологических верований, так и формируются новые «мифологемы», которые, хоть и не залегают на большой глубине нашего

подсознания, однако активно участвуют в развитии мировоззрения человека, его стереотипов мышления, хотя здесь имеются и негативные процессы (подробнее см.: [7–9]).

Понятно, что мифологическое сознание или его отдельные элементы имеют под собой в качестве базы мировоззрение человека, логические процессы мышления, особенности коммуникативного общения человека с миром. Если хоть в каком-нибудь из перечисленных базовых элементов воображение, идеологические стереотипы — словом, все элементы иллюзорного сознания, в свое время названные Ф.Беконем идолами, будут брать верх, то появится мифологизированное сознание, которое отразится на культурном развитии народа. В частности, это будет сказываться на активности мышления, раскрепощенности сознания, новаторском подходе к анализу явлений и событий и т.д., или наоборот — проявится в виде потери своей особенности, нивелировании всего богатства культурного самовыражения, вплоть до полной потери своей самобытности. Последнее нежелательно даже для самого маленького этнического меньшинства, не имеющего своей письменности, не говоря уже о больших этнических группах, насчитывающих миллионы человек.

Таким образом, мифологическое сознание в современной культуре содержится в мировоззренческих установках, т.е. взглядах на себя и мир, проявляясь в виде верований и обрядов, имеющих как древнее, так и более современное происхождение. Разница лишь в том, что более древние элементы мифологического сознания живут подсознательно, имеют более «крепкую почву» под собой, однако для их культивирования нужна большая работа с носителями национального языка, с наследием в сфере искусства и литературы, в том числе и через систему образования.

Список литературы

- 1 *Кадырова Р.* Национальная идентичность азербайджанских детей и подростков. Социально-психологический анализ / Науч. ред. Б.Г.Алиев. — Баку: Кавказ, 2007. — 247 с.
- 2 *Кулиев Г.Г.* Архетипичный азербайджанец: лик менталитета. — Баку: Ени Несил, 2002. — 246 с.
- 3 *Китаби Деде Горгуд* / Под ред. Э.Алибекзаде. — Баку: Язычы, 1988. — 324 с.
- 4 *Азимов К.* Проблема человека в религиозно-философских доктринах зороастризма и ислама / Науч. ред. акад. В.Мамедалиев. — Баку: Изд-во «Леттерпресс», 2009. — 304 с.
- 5 *Кессиди Ф.Х.* Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. — 2003. — № 1. — С. 76–83.
- 6 *Поговорки и прибаутки нашего народа* / Под ред. В.Велиева. — Баку: Азернешр, 1986. — 173 с.
- 7 *Древние обряды, верования и культы народов Азии: Историко-этнографические очерки* / Отв. ред. В.Н.Басилов. — М.: Наука, 1986. — 176 с.
- 8 *Велиев В.А.* Устная народная литература Азербайджана. — Баку: Изд-во Азгосуниверситета, 1970. — 439 с.
- 9 *Велиев В.А.* Азербайджанский фольклор. — Баку: Изд-во «Маариф», 1985. — 411 с.

К.Я.Аббасова

Мифологиялық сана мәдениеттің маңызды элементі ретінде

Мифологиялық сана қазіргі заманғы мәдениетте көзқарастық тұрғыдан қарастырылады, яғни, ежелгі, сонымен қатар қазіргі заманғы тұрғыдағы сипатқа ие наным-сенімдер мен әдет-ғұрыптар түрінде бейнеленетін адамның өзіне және әлемге деген қатынасында көрініс береді. Негізгі айырмашылық мынада: мифологиялық сананың аса ертедегі элементтері сана астарында өмір сүреді, әрі ол «берік негізге» ие, бірақ та олардың әрі қарай өңделуі үшін өнер мен мәдениет саласындағы мұралармен, оның ішінде білім беру жүйесі арқылы ұлттық тілді тасымалдаушылармен ауқымды түрде жұмыс істеу керек. Мифологиялық сана элементтерінің дамуында маңызды рольді идеология ойнайды.

К.У.Аббасова

Mythological consciousness as an important element culture

The mythological consciousness in modern culture contains in world outlook installations, i.e. sights at and the world, being shown in the form of beliefs and the ceremonies having both ancient, and more modern origin. A difference only that more ancient elements of mythological consciousness live subconsciously, have more «strong soil» under itself, however for their cultivation the big work with national language carriers, with a heritage in art and literature sphere, including through an education system is necessary. The considerable role in development of elements of mythological consciousness is played by ideology which impart by means of the most newest information-communication technologies.

УДК 17.022.1

Ш.М.Мусаева

Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, Баку

Ценностные ориентации в гражданском обществе

Автором показано, что становление гражданского общества зависит от таких параметров, как укрепление государственности, развитие экономики, сохранение и развитие национальных духовных ценностей, формирование общечеловеческих ценностей. Отмечен ряд причин того, почему нет достаточной государственной поддержки в деле формирования институтов гражданского общества: азербайджанское государство не западного типа, формировалось в исторических рамках российской государственности, кроме того, старое мышление представителей структур управления не дает осознать до конца национально-государственные интересы страны и претворять их в жизнь. Предложено тщательно отслеживать основные направления деформации и трансформации нравственных ценностей народа.

Ключевые слова: гражданское общество, постсоветское время, сознание независимости, гражданское общество, социальные ценности, социальные отношения, члены общества, новые процессы, старый режим, стереотипы.

Известно, что основным препятствием в деле формирования сознания независимости, гражданского общества и социальных ценностей, связанных со становлением новых социальных отношений, являлось неоднозначное отношение большинства членов общества к новым процессам. Свою негативную роль в этих трансформациях играет борьба между сохраняющимися элементами старого режима, носителями его стереотипов в лице бывшей элиты коммунистической номенклатуры и представителями появившейся национально-демократической элиты, настроенной крайне деструктивно по отношению к недавнему прошлому, готовой безоглядно сокрушать все, что осталось от старого строя. В результате борьбы между указанными сторонами общество оказывается на краю пропасти. Даже по прошествии почти четверти века после начала заката страны Советов некоторые исследователи отмечают сохранение влияния указанных представителей старой номенклатуры, старой бюро-